УДК 16

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-4/51-57

В.С. Попова*

О РОЛИ ЛОГИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ: ОПЫТ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX в.

В статье рассматриваются наиболее важные функции логики в историческом познании, которые обсуждались А.И. Введенским, Н.О. Лосским, Г.Г. Шпетом: формирование критического мышления, демаркация предмета и границ исследования, построение субъект-объектных отношений, участие в выработке априорных синтетических суждений науки. Автор отмечает некоторые важные функции логики, на которые указывает «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского, а также рассматривает суждения Г.Г. Шпета и Н.И. Кареева о значительной роли логики в методологии исторической науки.

Ключевые слова: русская философия, логика, историческое познание, априорные синтетические суждения

Reflections on the role of logic in the cognition of history by the Russian philosophers of the early XX century. VARVARA S. POPOVA (Immanuel Kant Baltic Federal University)

The article discusses the most important functions of logic in the cognition of history as they appear in the works of such early XXth century Russian philosophers, as A.I. Vvedensky, N.O. Lossky, G.G. Shpet. The author suggests that G.G. Shpet and N.I. Kareev declare the crucial role of logic in the methodology of history.

Keywords: Russian philosophy, logic, historical cognition, synthetic a priori proposition

Многие крупные русские мыслители начала XX в., такие как А.И. Введенский, Н.О. Лосский, С.И. Поварнин, И.И. Лапшин, Г.Г. Шпет и другие, сопровождали построение целостных систем разработкой собственного методологического фундамента и инструментария. Они предлагали оригинальные и плодотворные идеи в области методологии гуманитарного познания, и в центре таких методологических по-

строений оказывалась логическая наука. Присутствовало довольно четкое представление о том, что именно логика составляет ядро рациональности внутри знаниевой системы, при том что мыслители принадлежали по своим взглядам различным гносеологическим традициям (например, А.И. Введенский и И.И. Лапшин – кантианской, Н.О. Лосский – интуитивистской, а Г.Г. Шпет – феноменолого-герменевтической).

* ПОПОВА Варвара Сергеевна, кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта.

E-mail: varyud@mail.ru

© Попова В.С., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-03-00707.

На пересечении этих традиций просматривается диалог различных когнитивных практик в гуманитарном познании. Можно с уверенностью сказать, что логико-методологические исследования становились органичной, скрепляющей, сквозной частью методологического опыта в гуманитарных науках.

И хотя чаще всего русские мыслители начала XX в. не выстраивали парадигмальных логических теорий (за исключением Н.А. Васильева), их собственные варианты адаптации традиционной логики для нужд раскрытия важнейших вопросов познания в первую очередь внутри их собственных философских систем оказывались эффективными и ценными. Логические подходы во многом определяли стиль их интеллектуальной деятельности, научно-педагогической практики. Причем это почтение к логике как части методологии гуманитарного познания базировалось не на абстрактных представлениях, а на проработке конкретно-логических вопросов (таких как структура суждения, трактовка определенных видов умозаключений, познавательный статус силлогизма и т. д.). Критика логической последовательности в развертывании концепции воспринималась ими как наиболее существенная. То есть логические критерии оказывались центральными для оценки всякой гуманитарной концепции и отдельных ее частей. Этот философский опыт через университетскую научно-педагогическую среду распространялся и на другие сферы познания – историческую, правовую.

Можно очертить ряд вопросов, ответы на которые (если проанализировать содержащие гносеолого-методологическую проблематику работы русских мыслителей начала XX в.) требовали опоры на логику. Например, как производить обобщения принципиально необобщаемого, идиографического и уникального исторического материала? Как получать достоверные выводы о давно минувшем, выводы в «регрессивном направлении», т. е. от следствий к причинам? Как строить рассуждения о возможности и необходимости в последовательностях исторических событий? Как относиться к психологизму в исторических исследованиях? Рассмотрим некоторые существенные идеи для решения этих и других вопросов гуманитарной эпистемологии, которые были предложены русскими философами.

Так, и А.И. Введенский, и Н.О. Лосский, обсуждая методологические вопросы в своих «Логиках», не фокусировались именно на исто-

рическом познании, но можно извлечь важные для методологии гуманитарного познания как такового логические акценты. Они распространяются данными авторами в первую очередь на принципы философского познания (гносеологию) и принципы историко-философского исследования. Пожалуй, наиболее важная методологическая роль логики в гуманитарном познании – это ее способность формировать критическое мышление, очерчивать предмет исследования и определять субъект-объектные отношения на уровне разбора ключевых суждений научной теории. Эта функция распространяется на всякую научную область и позволяет при логически последовательном взгляде избежать, например, психологизма в научной позиции, сохранив самостоятельность отрасли науки. Причем логика «работает» наряду с гносеологией над определением границ предмета и объекта конкретной науки.

Многие исследователи истории логики в России отмечают, что русской дореволюционной логике был свойственен гносеологизм (это качество отмечает, например, В.А. Бажанов [5], а также современник ситуации С.И. Поварнин [7, с. 7]). Вероятнее всего гносеологизирование и логизирование (логицизм) в решении методологических вопросов науки были обусловлены в то время влиянием научного авторитета А.И. Введенского и ориентацией на его фундаментальную «Логику как часть теории познания», ставшую важным ориентиром в университетской исследовательской культуре¹. Нельзя отрицать того, что включенность исследователя в культурный контекст определенного научного сообщества подразумевает его приобщение к логико-аргументативным практикам и, как отмечают С.Е. Крюčkова и С.А. Храпов, «задает нормативные схемы и структуры, обеспе-

¹ Даже ученик А.И. Введенского Н.О. Лосский, ожесточенно расходясь с учителем в очень многих вопросах, тем не менее одну из своих работ, вошедшую впоследствии в его «Логику», называет «Гносеологическое введение в логику», увязывая тем самым логику и гносеологию. Для справедливости следует сказать, что, усвоив логико-гносеологический подход учителя, Лосский предложил собственную оригинальную его реализацию в виде логики, основанной на интуитивистской гносеологии. Лосский явно гносеологизирует логику, показывая, как именно гносеология позволяет выделить границы и предмет логического рассмотрения действий мышления. Введенский же логизирует гносеологию, что позволяет ему демаркировать логику от психологии по предмету, преодолевая тем самым психологизм.

чивая ту конструкцию аргументационной речи, на которую “навешивается” все остальное» [3]. Интересно, что эта выработанная русскими философами начала XX в. убежденность в значительной роли логико-гносеологического инструментария для выявления объекта и предмета науки созвучна мнению выдающегося советского методолога Б.С. Грязнова: «Анализ понятия “объект научного исследования” может и должен осуществляться с двух взаимосвязанных, но нетождественных друг другу сторон — гносеологической и логической. Логический анализ предполагает предварительное выяснение и решение проблем гносеологических. То или иное гносеологическое решение вопроса предопределяет характер логического анализа, интерпретация результатов которого зависит от избранных гносеологических позиций» [2, с. 9].

Надо учесть, что логика в понимании Введенского не претендует на то, чтобы объяснять специфические концепты конкретных областей гуманитарных наук. Такой подход повредил бы самоопределению самой логики и ее особенному «чистому», формальному статусу. Логические принципы демаркации предмета исследования действуют на метауровне выстраивания знания, что придает определенность и последовательность системе, состоящей из суждений и умозаключений. Логика позволяет оторваться от того, какие переживания сопровождают эти суждения и умозаключения, но оценить правильность обращения с конкретными суждениями и умозаключениями (см. [1, с. 6–7]). Этот критерий повышает степень объективности в том с необходимостью субъективном гуманитарном знании, специфика которого всесторонне обсуждается в современной эпистемологии.

Развивая свою концепцию логицизма, А. Введенский большое внимание уделяет рассмотрению вопроса об априорных синтетических суждениях. Он следует в фарватере, который проложил Кант, желая оригинальным, созданным на русской почве и самостоятельным способом отделить науку от метафизики. Чтобы наука была возможна, мы должны допускать заведомую истинность (как пишет Введенский – «годность») априорных синтетических суждений. С них начинается развертывание всякой научной системы, но сами такие суждения не имеют доказательства. Более того, их следует принимать «без всяких надежд на их доказательство в будущем и с полным пониманием логической невозможности доказать их...» [1, с. 373]. Существование априорных

синтетических суждений в основаниях зданий математики и естествознания понятно и усвоено из Кантовых «Пролегомен». Но у Введенского имеется интересное пояснение, важное для данного разбора вопроса о значимости логики в историческом познании. Дело в том, что Введенский в круг естественных наук, ведущих свои начала с априорных синтетических суждений, включает те науки, которые мы сейчас назвали бы социально-гуманитарными: «Запомним, что выражение естествознание и естественные науки мы будем употреблять в широком смысле – в смысле изучения каких бы то ни было данных опыта, так что сюда относятся не только астрономия, физика, химия и т. п., но и психология, и лингвистика, и история, и т. п.» [1, с. 373]. Введенский широко трактует понятие природы, относя сюда факты внутренней душевной жизни и общественных отношений. Это говорит нам о следующих важных вещах. Во-первых, о том, что Введенский при всем своем логицизме, при опыте обучения на физико-математическом факультете и тяготении с ранних лет к математике (это, кстати, отразилось на его предпочтении естественнонаучных примеров в практикумах по логике) считал науки о духе равноправными по точности, доказательности и рациональности с науками о природе. И можно предположить, что философ предъявлял к ним соответствующие рациональные критерии. Рациональность науки определяется логикой. Поэтому для всякой науки верны логические критерии оценки знания. Во-вторых, Введенский был максимально последователен в реализации позиции логицизма, и это потребовало от него такого весьма специфического отождествления естествознания с социогуманитарным знанием: «Логике, сосредоточивающей свое внимание на самих доказательствах, на их особенностях, а не на предметах, по поводу которых употребляются эти доказательства, удобнее подразумевать под “природой” и человека со всеми явлениями, существованием человека», – пишет он [1, с. 35]. На самом деле такая позиция Введенского, на мой взгляд, не должна оцениваться как натурализм, редукция гуманитарного знания к естествознанию. Это его собственная особенная, оригинальная методологическая позиция логицизма или, точнее, логико-гносеологизма и формализма, не опирающегося, однако, на использование формальных символических систем (не путать с программой логицизма в обосновании математики). При этом науки имеют специфические методы и подходы к исследованию

дованию своих частей реальности, но способ построения и проверки знаний диктуется нормами логики.

Обращаясь к логико-методологическому опыту А.И. Введенского, остается установить связи с методологией исторической науки того культурного контекста, в котором витали идеи кантианца, плодотворность этого воздействия. Известно, что приверженцем кантианской традиции в исторической методологии, коллегой по академическому петербургскому неокантианству² был А.С. Лаппо-Данилевский. В «Методологии истории» он критикует идею существования разрозненных логик отдельных наук (упоминая при этом В. Вундта, который выделял логику филологии, логику социологии, логику истории и т. д. [4, с. 38]) и односторонне-психологистский взгляд на историческую науку. Сам Лаппо-Данилевский в подходе к методологии истории проявляет себя как отличный логик, поскольку он видит различие логических и внелогических интерпретаций теоретических проблем истории. Для всякого историка важно обращать внимание на принцип причинно-следственности (особенно склоняются к этому, по мнению Лаппо-Данилевского, приверженцы номотетического подхода). Но при установлении причинно-следственных связей между фактами исследователю важно различать «понятие о логически необходимой и понятие о фактически необходимой связи между двумя фактами – предшествующим и последующим» [4, с. 134]. Как показывает петербургский историк, это требует логической осведомленности, логической культуры. Логика необходима и в источниковедческом плане. Лаппо-Данилевский применяет именно логические критерии к оценке достоверности исторических свидетельств, выраженных в виде рассуждений, логическую правильность которых, в свою очередь, следует установить. Он пишет: «...Соблюдение или нарушение “законов” логики, заключаемое в данном показании, уже служит основанием для суждения о “возможности” или “невозможности” сообщаемого факта, а значит, и о научной ценности самого показания» [4, с. 485].

Обращение к логико-методологическому опыту А.И. Введенского показывает, что история как наука в своей методологической части также опирается на логические принципы. История, как и всякая наука, исходит

из априорных синтетических суждений и разворачивается из них логическим порождением новых достоверных суждений. Установить такие априорные синтетические суждения с эвристическим потенциалом для истории может исследователь, владеющий глубокими фактическими историческими знаниями, но также обладающий высокой логической культурой. Формирование должной логической культуры возможно только при теоретическом и практическом изучении логики. Логическая культура намеренно и систематически формируется логикой и представляет собой развитое качество мышления, применимое для теоретизирования, для решения сложных интеллектуальных задач. Поэтому ученому-историку (да и всякому человеку, заботящемуся о качестве порождаемых мыслей) нельзя возлагать надежды только лишь на возможности прирожденной, «интуитивной» логики, которая может сгодиться для обыденных действий, но подведет на высоком уровне сложности, где действует абстрактное научное мышление³.

На проработке тезиса о значительной роли логики в методологии исторической науки был сосредоточен Г.Г. Шпет. Понятие «логика» внесено Шпетом в название книги, которую он посвящает методологии исторического познания. Для Шпета история – это реальность вокруг нас, она жива здесь и сейчас, и в настоящем времени, присутствуя в уме историка. Проблема истории ставится Шпетом как проблема действительности, так как «...“история” ведь и есть в конце концов та действительность, которая нас окружает» [9, с. 31]. И эта реальность координируется с сознанием исследователя истории через слова-понятия. Трудно представить себе менее формальную науку, чем история, но история, по мысли Шпета, как и всякая наука, все же имеет дело с формами.

³ Ведь, как верно подмечает Введенский, например, понятие «априорный» зачастую обрастает бытательскими смыслами, весьма далекими от того, который дает научное мировоззрение. Этот диссонанс особенно режет слух и в наше время, когда «a priori» ассоциируется у некоторой части населения не с допытным, предшествующим, изначальным знанием и даже не с именем великого кенигсбержца (даже в Калининграде), а с магазинами модной одежды. Введенский же в свое время был удручен тем, что слово «априорный» в бытательском понимании означало «произвольный», «зряшный». Но как можно считать исходные принципы математики и естествознания зряшными! Это, конечно, было чудовищно для логически и философски отточенного ума.

² К этому направлению Л.Н. Столович относит А.И. Введенского, Ф.А. Степуна, И.И. Лапшина, С.И. Гессена и Б.В. Яковенко (см.: [8, с. 284–310]).

В исторической науке формой выступает понятие или слово. Известно, что понятие – один из важнейших объектов изучения логики (объем и содержание понятий, определение понятий, операции с понятиями, классификация и т. д. – все это логические темы). Логика имеет дело с понятиями, а понятия соответствуют некоторым предметам (в «Истории как проблеме логики» Шпет фиксирует, что через предмет понятие очерчивает границы своего приложения). И поскольку различие в науках проводится по предметам, а им соответствуют специфические научные понятия, то различие в науках есть различие в первую очередь логическое. И эти самые понятийные структуры (слова-понятия) изучает со своей стороны именно логика. Поэтому, как ни парадоксально, но Шпет констатирует, что «о предмете своей науки сам историк говорить не может», только логик способен очертить предмет некой отрасли знания, в том числе и истории. То есть логика помогает различным отраслям знания определить свой предмет, она является эффективным инструментом структурирования, выстраивания знания, упорядочения его понятийной истории. Говоря о методологической роли логики для исторического изложения, Шпет подчеркивает, что «...хотел наметить те принципы, которыми определяется выбор этих материалов» [9, с. 51]. И тогда альтернативные модели истории вырабатываются в силу различий в этих логических принципах. Но такие различия возможны только в том случае, если есть различные логические системы, а сама логика не является раз и навсегда данной (например, аристотелевской), неизменной, но развивающейся наукой. Логика со своей стороны должна получить в рамках гуманитарного познания такое определение, которое было бы релевантным научному статусу истории. В этом Г. Шпет видел перспективы «гуманитаризации» логики, роста логической науки, что, по его словам, становилось «...прямо-таки необходимейшей проблемой современной логики» [9, с. 50].

Из сказанного вытекает простая мысль, которая соответствовала живой действительности университетской науки начала XX в.: всякий ученый-историк должен быть и логиком, потому что только в этом случае он может достаточно четко представлять предмет и концептуальные взаимосвязи своей науки, спорить о принципах, по которым он производит отбор материалов. Исходя из шпетовской точки зрения, приобщение к логике делает зримым

проявление человека как научно мыслящей личности («Изложить – значит дать правильное мышление», – указывает он [10, с. 39].). Таким образом, владение логикой является «выражением научного мышления» [10, с. 39]. Реальность, выраженная ученым через слово, становится предметом логической обработки, подлежит выстраиванию, не изложению, но выражению, которое не может быть идентично действительности. Поэтому здесь включается процесс интерпретации. В этом процессе первый логический акт связан с самой вербализацией переживания. Именно поэтому логика является не нахождением мышления, а его выражением, причем на intersubъективных основаниях. Присутствие логики в науке тем самым создает intersubъективные условия для понимания и диалога концептуально расходящихся научных доктрин.

Я полагаю, что образ логики Шпета представляет большую ценность в контексте современной методологии исторического познания. Ведь в многочисленных работах, а также в эпистолярном наследии Шпет ставит и пытается разрешить проблемы, актуальные и сегодня. Например, вопрос о том, что представляет собой историческая реальность для эпистемолога; проблему соотношения языка и социально-гуманитарного знания; проблему intersubъективности в науке и социальной практике (или, в терминологии Шпета, «трансцендентность в имманентности»); проблему понимания субъекта в гуманитарной эпистемологии. Шпет акцентировал проблему историчности субъекта-исследователя, из чего с необходимостью вытекает идея преемственности интеллектуальной культуры, которая всесторонне обсуждается в контексте культурно-исторического подхода.

Приведу одно из свидетельств того, что не только при философском метавзгляде на историческое познание, но и изнутри исторической науки логика рассматривалась как методологический стержень исторической эпистемологии. Причем этот факт был отрефлексирован, имел осознаваемо-ценностный статус в методологическом опыте русских мыслителей благодаря тому, что логика являлась важной университетской дисциплиной, атрибутивной для становления научного мышления в любой области. Поэтому и философы, и историки, и юристы, и все другие университетские ученые чтит логику и старались соотносить свое мышление с ее нормами, т. е. были отчасти одновременно логиками в шпетовской трактовке.

В 2017 г. Алексей Малинов и Евгения Долгова ввели в научный оборот отрывок из неопубликованной книги историка Николая Ивановича Кареева «Общая методология гуманитарных наук» [6]. Книга, по оценке этих специалистов, является подводящей итог творческому наследию ученого в плане его методологических изысканий. В отрывке речь идет о логических предпосылках, общих для всякой методологии науки. Для раскрытия этой темы Кареев считает необходимым привести «принципы, на которые опираются научные методы», а именно рассматривает различные виды суждений (аналитические, синтетические, единичные, частные, общие и т. д.), их познавательный, эвристический статус и способы их обоснования и опровержения, далее – различные способы умозаключений (дедукцию, индукцию, аналогию) и условия построения доказательств в науке, даже обращается к вопросу о специфике логических законов (нормативные и естественные). Все это дается в соответствии с традициями изложения перечисленных тем в русской университетской логике начала XX в. (очень близко к тому, как это было представлено у влиятельного в университетской среде логика А.И. Введенского, на которого Н.И. Кареев в некоторых местах ссылается, упоминая также и другого русского кантианца И.И. Лапшина). Но обо всех этих темах Кареев считает нужным напомнить читателю в порядке изложения методологии гуманитарных наук, поскольку научный статус гуманитарного знания зависит от правильности построенных доказательств, ибо всякая наука складывается из опосредствованного (обоснованного, полученного доказательным путем) знания. «Нет знания, раз еще не доказана мысль, имеющая притязание быть знанием», – подмечает историк [6, с. 340]. И Кареев считает важным подчеркнуть очевидную мысль о том, что если «логика очень подробно разработала вопрос о неправильных доказательствах», то просто необходимо, чтобы с этими критериями считалась «всякая методология» (см.: [6, с. 333]). Логика общепринципиальна для всех наук, поскольку во всех науках используются логические способы доказательств. А вот работа с фактами очень специфична, как отмечает Кареев. Поэтому такая работа, с точки зрения логики, имеет технический характер. Эта идея перекликается с позицией Густава Шпета. Действительно, сами концептуальные принципы выстраивания знания и есть логика отдельной науки (и эта наука тем самым становится «проблемой логики»), без которой нет и этой

науки как таковой. И сам Н.И. Кареев, давая научно-методологические основы гуманитарного знания, с необходимостью предстает как логик и даже учитель логики, ибо показывает, как из азбучных истин логики следуют выводы о специфике научного исследования в области истории или другой гуманитарной науки.

В начале XX в. в университетских гуманитарных науках логика являлась необходимой частью методологии гуманитарного познания. Именно логико-методологическое идейное поле стало одним из факторов, скреплявших, объединявших, имплицитно сохранявших и после революции русскую интеллектуальную традицию университетской философии, в том числе и применительно социально-гуманитарной эпистемологии в целом и историческому познанию в частности. Общей чертой эпистемологического стиля многих русских мыслителей начала XX в. являлся высокий уровень владения логической культурой.

Методологические запросы современного социально-гуманитарного знания вновь обращаются к понятию рациональности, в центре которого оказываются различные, но все более антропологически ориентированные модели логики, что создает основания для переосмысления отдельных идейных традиций, созданных русскими мыслителями начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введенский А.И. Логика как часть теории познания. Петроград, 1917.
2. Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. М.: Наука, 1982.
3. Крючкова С.Е., Храпов С.А. Аргументативный дискурс в коммуникативном пространстве современной культуры: проблемы теории // Философская мысль. 2017. № 6. С. 36–50.
4. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
5. Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / Под ред. В.А. Бажанова. М.: РОССПЭН, 2012.
6. Малинов А., Долгова Е. Логика методологии (к публикации «Логических предпосылок всякой методологии» Н.И. Кареева) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 327–365.
7. Поварнин С.И. Общее учение о доказательстве. Петроград: Тип. Акц. Общ. Типографского Дела, 1916.

8. Столович Л.Н. История русской философии. Очерки. М.: Республика, 2005.

9. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. 1. Материалы. М.; СПб.: Университетская книга, 2014.

10. Шпет Г.Г. Логика. Лекции, читанные в 1911–1912 годах на Высших женских курсах // Шпет Г.Г. Философия и наука. Лекционные курсы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010.

REFERENCES

1. Vvedenskiy, A.I., 1917. Logika kak chast' teorii poznaniya [Logic as a part of the theory of knowledge]. Petrograd. (in Russ.)

2. Gryaznov, B.S., 1982. Logika. Ratsional'nost'. Tvorchestvo [Logic. Rationality. Creation]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

3. Kryuchkova, S.E. and Khrapov, S.A., 2017. Argumentativniy diskurs v kommunikativnom prostranstve sovremennoy kul'tury: problemy teorii [Argumentative discourse in communication space of modern culture: problems of theory], *Filosofskaya mysl'*, no. 6, pp. 36–50. (in Russ.)

4. Lappo-Danilevskiy, A.S., 2006. Metodologiya istorii [Methodology of history]. Moskva: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2006. (in Russ.)

5. Bazhanov, V.A. ed., 2012. Logikognoseologicheskoe napravlenie v otechestvennoy filosofii (pervaya polovina XX veka): M.I.

Karinskiy, V.N. Ivanovskiy, N.A. Vasil'ev [Logical-epistemological direction in Russian philosophy of the first half of the XXth century: M.I. Karinsky, V.N. Ivanovsky, N.A. Vasiliev]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

6. Malinov, A. and Dolgova, E., 2017. Logika metodologii (k publikatsii «Logicheskikh predposylok vsyakoy metodologii» N.I. Kareeva) [The logic of methodology (on the publication of «The logical prerequisites of the methodology» by Nikolay Kareev), *Sotsiologicheskoe obozrenie*, Vol. 16, no. 3, pp. 327–365. (in Russ.)

7. Povarnin, S.I., 1916. Obshchee uchenie o dokazatel'stve [The general theory of argument]. Petrograd: Tip. Akts. Obshch. Tipografskogo Dela. (in Russ.)

8. Stolovich, L.N., 2005. Istoriya russkoy filosofii. Ocherki [The history of Russian philosophy. Essays]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

9. Shpet, G.G., 2014. Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. Ch. 1. Materialy [History as a problem of logic. Critical and methodological studies. Part 1. Materials]. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)

10. Shpet, G.G., 2010. Logika. Lektsii, chitannye v 1911–1912 godakh na Vysshikh zhenskikh kursakh [Logic. Lectures delivered in the Higher Women's Courses in 1911–1912]. In: Shpet, G.G., 2010. *Filosofiya i nauka. Lektsionnye kursy*. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)